

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-15-29

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*О.Н. Сенюткина*¹

Введение
Этапы историографии
джадидизма
Время появления
джадидизма
О сути джадидизма
Заключение

Поступила в редакцию: 11.01.2018.
Передана на рецензию: 16.01.2018.
Получена рецензия: 29.01.2018.
Принята в номер: 26.03.2018.

Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки)²

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; senutkina@mail.ru

Мусульмане Российской империи в восприятии российской политической элиты, как правило, были религиозными традиционалистами. Обновленческие процессы в мусульманском сообществе рубежа XIX–XX вв. явились во многом неожиданностью для верхушки общества и заставили её серьезно задуматься о возможных перспективах дальнейшего движения ислама в сторону обновленчества. В чем же суть явления, именуемого джадидизмом, сломавшего стереотип восприятия, существовавший в сознании облеченных властью людей? Как его понимают историки? Статья дает подробный историографический материал, позволяющий уяснить основные позиции мирового современного академического сообщества по проблеме появления и деятельности новаторов в мусульманской российской среде. Автор концентрирует внимание читателя на времени и сути явления, именуемого джадидизмом.

Ключевые слова: *джадидизм, историография, культура, религия, Россия.*

¹ *Ольга Николаевна Сенюткина* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, регионоведения и журналистики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00310 А.

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-15-29

UDC 297.1

*O.N. Senyutkina*³

**Content
of the article**

Introduction.
The stages of the historiography
of Jadidism.
The time of Jadidism
emergence.
Conclusion.

**Information
about the article**

Received: 11.01.2018.
Submitted for review: 16.01.2018.
Review received: 29.01.2018.
Accepted for publication: 26.03.2018.

Jadidism as Part of Russian Islamic Discourse (Contemporary Historiographic Evaluations)⁴

*N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University of;
senutkina@mail.ru*

In the traditional perception of the Russian political elite, Muslims of the Russian Empire were religious traditionalists. The processes of renewal in the Muslim community at the turn of the 19th–20th centuries were in many ways a surprise to the top of the society and forced it to think seriously about the prospects for the further movement of Islam towards renovationism. What is the essence of the phenomenon called Jadidism, which broke the stereotype of perception that existed in the minds of people vested with power? How do historians understand it? The article gives a detailed historiographic material, which makes it possible to understand the stance of the contemporary academic community on the emergence and activity of innovators among Russian Muslims. The author focuses on the time of emergence and the essence of the phenomenon called Jadidism.

Keywords: *Jadidism, historiography, culture, religion, Russia.*

Введение

В содержательном плане в понятие «джадидизм» входят такие составляющие, как обновление религии, реформы в образовании, расцвет мусульманской журналистики, политическая деятельность и так называемый женский вопрос. Такое широкое понимание джадидизма может быть соотнесено с объективным состоянием российского общества в период первой русской революции 1905–1907 гг. До революции и после неё джадидизм мог давать о себе знать не в полной мере, а отдельными проявлениями. В зависимости от этого те или иные ученые принимают или, напротив, отвергают использование дефиниции в широком смысле этого слова, относя к джадидизму только религиозное обновление или только образовательную сферу и т. д. В настоящее время в среде специалистов по джадидизму нет единого мнения на его счет.

Тот факт, что обновленцы (джадиды) сыграли значительную роль в развитии многоконфессиональной России, не подлежит сомнению в современной исторической науке. О них писали многие историки ислама и тюрков [41; 45, с. 33–45,

³ *Olga Nikolaevna Senyutkina* – Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor at the Department of History, Regional Studies and Journalism of N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University.

⁴ The study was performed with the financial support of RFBR research project №18-09-00310 A.

22, с. 141–171; 18; 29; 21; 38]⁵. В последнее время по теме модернизации исламского общества составлялись сборники документов [25; 30], теме исламского модернизма (islamic modernism) посвящен ряд российских и зарубежных научных исследований [14; 16; 36]. Однако джадидизм как историческое явление столь многогранен, что закрывать историографию связанной с ним проблематики, по-видимому, ещё рано, надо её осмысливать и развивать. В зависимости от рассматриваемого круга вопросов тот или иной автор по-своему расставляет акценты, определяя сущностные черты джадидизма. Это еще раз убеждает в сложности восприятия проблемы мусульманского реформирования в России.

Нам важно проанализировать не только суть джадидизма, но и время его появления, нашедшее отражение в историографии. К историографии вопроса, так или иначе, обращались те историки, которые исследовали мусульманское реформирование и модернизацию мусульманского мира. А сравнительно недавно читателю была представлена возможность ознакомиться с некоторыми точками зрения ведущих исламоведов мира на такое сложное явление, как джадидизм: в журнале «JESHO. Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden» был опубликован историографический обзор «Движение вокруг модернизма: переоценка культурных перемен в мусульманской Евразии» [49]. Обзор был составлен на основании материалов научной конференции, проведенной в Гарвардском университете в апреле 2014 года. Докладчики обращали внимание на такие проблемы, как время возникновения джадидизма, его сущностные черты и пр. Некоторые из них критиковали само понятие «модернизм» применительно к исследованиям по джадидизму.

Этапы историографии джадидизма

На первом этапе пристальное внимание к мусульманам после победы Октябрьской революции 1917 года объяснялось верой в возможность мировой революции и активного участия в ней как российских, так и зарубежных последователей исламского вероучения. Было не ясно, какую роль сыграют джадиды дореволюционного периода в предстоящем строительстве социализма. Поэтому в период с 1917 до конца 1920-х годов шли научные споры по поводу классового характера ислама на основе марксизма.

Суть противоречий сводилась прежде всего к тому, чтобы соотнести мусульманское общество с общественно-экономическими формациями: с капитализмом или с той стадией развития, которая её предвещает. Однако спорам был положен конец, когда от идеи мировой революции большевики вынуждены были отказаться. К тому же методы построения социализма ужесточились в 1930-х годах и привели к фактическому запрету изучения «внутреннего ислама».

На следующем, втором этапе в историографии джадидизма (1930 – начало 1950-х гг.) обстановка в стране не давала возможности ученым заниматься указанной проблематикой в силу гонений на ислам и мусульман, а также утверждения атеистической идеологии. И только со второй половины 1950-х годов (третий этап) татарские историки в духе мирасизма (понимания ислама как культурного наследия) начали пересмотр советских интерпретаций джадидизма, рассматриваемого как враждебного советскому пониманию мира. Сам термин «мирасизм» пришел из западной историографии, но вполне точно обозначил те процессы, в которые включились татарские историки, а именно изучение джадидизма на основе собственных татарских источников.

⁵ См. также: Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). – Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. – 76 с.

На третьем этапе историографии джадидизма ученый Я.Г. Абдуллин основал научное направление – история татарской общественной и философской мысли, внес принципиально новый вклад в исследование татарского просветительства, его роли в развитии национальной культуры. Он дал историко-философский анализ такого сложного явления истории татарской общественной мысли, как джадидизм, научно обосновал его значение и место в истории культуры как этап в развитии татарского просветительства [2; 3]. По мнению Л.И. Алмазовой, причина того, что Я.Г. Абдуллин (1920–2010), исследуя интеллектуальное наследие мусульманских татарских мыслителей, на первый план выдвинул просветительскую направленность их работ, заключается в том, что «в те годы всё религиозное объявлялось реакционным» [4]. Добавим от себя предположение, что, если бы Я.Г. Абдуллин жил в другое время, его внимание оказалось бы прикованным не только к светской татарской просветительской мысли, но и к исламу как религиозной составляющей культуры народа.

А.К. Бустанов и М. Кемпер утверждают, что «с позиций сегодняшнего дня можно легко отместить татарскую историю «общественной мысли» из-за ее недостатков и намеренно неверных интерпретаций. В то же время мирасизм должен рассматриваться в более широком контексте ограничений, существовавших условий и давления со стороны государства... исламское содержание вталкивалось в марксистскую эволюционистскую модель и одновременно секуляризировалось» [8].

Четвертый этап историографии (с 1990-х гг. до настоящего времени) дает нам доказательство наличия продолжающегося интереса к джадидизму. По-прежнему точки зрения специалистов на это явление различаются в зависимости от поля их научной деятельности. Р.Р. Мухаметшин оценивает джадидизм в национальном ключе: «Джадидизм стал татарским вариантом модернизма» [28, с. 119]. Нами ранее рассматривался джадидизм в связи с политическим тюркизмом⁶. Д.М. Усманова считает джадидизм татар частью обновленчества как общетюркского явления [33].

Время появления джадидизма

По этому вопросу наблюдается основательный разброс мнений: с конца XVIII столетия до 1917 года. На это справедливо указывают западные историки в обозначенном ранее историографическом обзоре [45]. Некоторые из них вполне логично начинают рассмотрение новаций в российском мусульманском обществе с создания такой структуры, которая ломает старый стиль организации правоверных. Речь о появлении в российской истории Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) [19]. Известно, что исламу не присуща какая-либо жесткая иерархия организации жизни общин. (В этом контексте некоторые религиоведы сближают ислам с протестантизмом.)

Длительное время организация жизни в российском исламе не отличалась от той, что демонстрировали мусульмане других регионов мира: главным был «низовой уровень» – мусульманские общины «на местах». Однако просвещенная российская императрица сломала веками сохранявшийся порядок и ввела в структуру имперского госаппарата такой элемент, как ОМДС. С точки зрения ценностных установок российского мира, это действие Екатерины Великой было вполне соответствующим пониманию государства: политическая по характеру традиционная ценность российской цивилизации – мощная государственность с подчинением сильному правителю всех его подданных. Однако было ли это деяние императрицы тем, что можно назвать джадидизмом?

⁶ См. подробнее: *Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.)*. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, ИД «Медина», 2007. – 520 с.

Авторы названной выше статьи указывают, что «Стефан Дюдуаньон, осторожно подойдя к этому термину, подчеркивает его современное политическое насыщение и утверждает, что корни его политического дискурса идут от 1920-х годов; он предлагает рассмотреть корни реформизма периода джадидизма, как идущие из XVIII века и берущие начало от исламских дебатов о нравственности» [45, с. 5]. Это оригинальный, уходящий от политизации термина подход, с которым можно согласиться, если рассматривать джадидизм как «обновление» в узком смысле слова, как явление синонимичное богословским спорам. То обновление, которое совершила политическая элита России в конце XVIII века, создав структуру управления мусульманами, во многом аналогичную той, которая управляла православными, носило ярко выраженный политический характер; оно было необходимо тогда как акт, предупреждающий оппозицию власти в лице новых зачинщиков бунтов, подобных Емельяну Пугачеву. Но почему бы не увязать новации жизни мусульман не только с бунтом (политический момент), но и с получившими распространение идеями татарского богослова Абдул-Насыри Курсави, чья жизнь и деятельность приходится на период с конца XVIII до начала XIX в. (идеологический, этический момент). В этом случае мысль прослеживается в трудах Ш. Марджани [23] и далее идет к Х. Фаизханову и его последователям более позднего времени.

Другие исследователи [47; 30; 36] разграничивают понятия «мусульманское реформаторство» и «джадидизм», хотя и считают, что второй развился на основе первого. Тем не менее, обновление мусульманского мира России остается в историографии прежде всего явлением, связанным с реформированием образовательной сферы, начавшимся с конца XIX столетия по инициативе И. Гаспринского. В те времена идентичности – религиозная и этническая – у исповедующих ислам сливались в единое целое, а образование представляло собой религиозное по характеру действие. Поэтому невозможно обозначить предложенный Гаспринским новый метод преподавания для мектебе и медресе только как религиозный элемент (для совершенствования духовной жизни) или только как светский элемент (для развития нации).

Хронологико-содержательные акценты в рассмотрении джадидизма расставляются специалистами по-разному. Для одних наиболее важной точкой отсчета является начало издания «Тарджемана» И. Гаспринским [10; 1; 50; 51]. Для других особое значение обретает 1905 год, давший возможность раскрыться намерениям джадидов. Некоторые приближают пик джадидизма к 1917 году, рассматривая явление с упором на региональность. Например, Б. Бабаджанов применительно к Туркестану определяет джадидизм как явление, берущее начало только с 1917 года: «...джадиды существовали как группа только с 1917 года» [45; 11]. Характеризуя джадидизм как общественное движение российских мусульман, казанские историки делят его на два этапа: 1880-е гг. – 1905 г. и 1905–1917 гг., обозначая финальную точку движения 1917 годом [13, с. 78–80].

О сути джадидизма

О сути джадидизма историки рассуждают по-разному, выделяя как доминирующие те или иные его стороны. Это можно объяснить тем, что, определяя качественные характеристики обновленческих процессов, историки руководствуются различными методологическими посылами. Отсюда закономерно появляются отличающиеся в некоторых чертах образы. Многие идут в своих оценках за позицией А. Беннингсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, открывших в свое время дискуссию по процессам реформирования в мусульманском мире [41, с. 31–48]. Характеризуя национальное реформистское движение в среде последователей Мухаммеда, ученые обозначили четыре стадии в его развитии: религиозное

реформирование, культурное реформирование, образовательная реформа, политический национализм. Это деление было взято за основу при рассмотрении джадидизма некоторыми российскими историками. Западная мысль по поводу джадидизма по времени опередила мысль российскую. Но, погрузившись в процесс исследования, российские историки, особенно казанской школы, показали глубокую проработку сюжета о связи джадидизма с просветительской традицией поволжских татар [21].

Дж. Иден, П. Сартори, Д. Ди Вииз (D. De Weese) в историографическом обзоре [45] суммируют наработки историков по джадидизму и выделяют четыре позиции, которые, на их взгляд, фигурируют в научных трудах и могут служить основой для дальнейшего изучения явления. Во-первых, джадидизм не был последовательным в своих проявлениях; во-вторых, сближение отдельных индивидов с джадидами было условным, случайным и спорадичным, определяемым связью джадидизма с социальной сферой; в-третьих, предыдущие исследования имеют неправильное истолкование мотивации и достижений джадидистских «реформаторов» и, наконец, какова интерпретирующая ценность преобладающей терминологии джадидистских исследований, включая «исламский модернизм» как альтернативу традиционализму, и даже сам термин «джадидизм» [45, с. 1–2].

С этой градацией характеристик джадидизма вполне можно согласиться, добавив внешнее влияние на мотивацию обновленцев в деле осмысления необходимости перемен в мусульманской жизни. Общественная и государственная мысль соседних с Россией обществ, безусловно, могла влиять и влияла на процессы реформирования мусульманского сообщества. Этот тезис перекликается с третьей позицией Идена и его соавторов, но имеет, тем не менее, собственное звучание.

Многие историки указывают на важность появления в мировой мусульманской мысли трудов известных богословов: Джемалея ад-Дин аль-Афгани, Мухаммеда Абдо и Мухаммада Икбала [20, с. 453–454]. Эти люди, безусловно, создали определенную атмосферу вокруг мусульманского мира, как способного к переменам. Кроме того, в подтверждение нашей аргументации о необходимости учета влияния внешних факторов на мусульманские общины можно сослаться на работы, которые говорят о влиянии общественной мысли Ирана и Османской империи периода революций на татарских просветителей России [15].

В западной историографии многие работы в духе методологии «традиционализм-модернизм» жестко противопоставляют кадимизм и джадидизм. Учитывая особенности российского модернизма прежде всего в мусульманской среде, возникает вопрос, насколько с этим можно соглашаться. Оставим эту проблему в стороне для отдельного исследования. Отведем специфику процессов, происходивших в имперском обществе России, на второй план. Тем более что ряд историков переносят дефиницию «модернизм» на российские реалии, следуя за его содержанием в духе западных авторов.

А. Бустанов и Д. Дородных [9] поддерживают критику дихотомии джадидов и традиционалистов, представленную и подробно рассмотренную в специальном сборнике «Журнал экономической и социальной истории Востока» (2016. т. 59) [45]. Они считают, что эта дихотомия резко разделяет (используя критерий обращения/необращения к передовой западной мысли в русских или османских переводах) мусульманское общество и даже обретает некий карикатурный характер. По их мнению, связанная с этим сюжетом центральная проблема современной историографии ислама в Российской империи приводит к расколу историков на две группы. Имеется в виду проблема сопротивления со стороны имперской власти таким процессам в российской умме, как интеграция, секуляризация и модернизация. Одни историки, как считают Бустанов и Дородных, полностью доверяют русскоязычным делопроизводственным документам. Другие описывают мусульман в категориях изоляционизма.

Такое резкое противостояние двух лагерей, однако, смягчается самими авторами, признающими возможность ухода от крайностей. Примеры приводятся в статье: это анализ биографий исламских акторов, обсуждение хаджа на стыке между политикой властей и нарративами мусульманских авторов, а также изучение нациестроительства в том случае, когда исламские мыслители становятся участниками политических процессов [7; 31; 48]. Новизна подхода авторов к джадидизму в их рекомендации исследователям: «не изучать джадидизм как явление, а рассмотреть сам рассказ первоисточников о джадидизме» [9, с. 117].

Возвращаемся к историографии сути джадидизма. «В сердце джадидистской реформационной активности была трансформация традиционного мусульманского религиозного образования», – пишет Е. Кэмпбелл [42, с. 73]. Она подчеркивает, вслед за многими исследователями, что джадиды ввели в образовательный процесс современные методы, как обучающие, так и организационные. «Джадиды, – продолжает она, – рассматривали ислам как базис идентичности мусульманского сообщества и часто обращались к исламу, чтобы подтвердить свои реформы». Вместе с тем автор не забывает указать и на иную позицию относительно джадидизма точку зрения Адиб Халида: «...их (джадидов. – О.С.) понимание Ислама формулировалось в контексте десакрализирующегося мира» [50, с. 13, 173–175].

Учитывая резкую политизацию российского общества, развернувшуюся в начале XX в., не следует игнорировать мысль А. Халида. Подтверждением необходимости указать выход джадидов в политические практики светского российского мира, идущего по пути принятия западноевропейской политической культуры, является ряд проявлений объективной реальности. Это всероссийские мусульманские съезды начала века⁷, действия в рамках мусульманской фракции Государственной Думы и активизация мусульманской (вместе с тем национальной) печати [33].

Переноса акцент на отношение власти к национальным окраинам и увязывая его с джадидизмом, В.О. Бобровников и А.Ю. Конев [6, с. 172] отмечают, что ряд работ о восточных мусульманских окраинах Российской империи времен «холодной войны» (А. Ашер [38], С.А. Зеньковский [54], В. Конолли [43] и А.А. Рорлих [53]) безнадежно устарели из-за преувеличения национального содержания движений модернизаторов-джадидов и иных местных элит, имевших скорее культурный и религиозный характер. Говоря о российской имперской политике, авторы подчеркивают: «Изначально же инородческий дискурс не имел чисто этнических коннотаций и касался, прежде всего, управления мозаичной колониальной периферией России XVIII–XIX вв., где он сложился» [6, с. 172].

Как в определенной степени устаревшая воспринимается точка зрения на джадидизм в тесной увязке с капитализмом и только. В одной из книг звучит следующее: «В противоположность суфизму-ишанизму обновленческое течение мусульманской мысли, получившее наименование «джадидизм», было ориентировано на включение мусульманских народов в сферу капиталистического развития» [20, с. 453]. Рациональным в этом определении является то, что формирование национальных буржуазных элит на окраинах Российской империи в условиях постепенного перехода к новому стилю социально-экономической жизни

⁷ См. подробнее: Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). – Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. – 76 с.; Сенюткина О.Н. Третий съезд мусульман России (к 100-летию проведения). – Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. – 52 с.; Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, ИД «Медина», 2007. – 520 с.

действительно подпитывало реформирование. Но эти процессы были крайне асинхронными в разных регионах. Если обновленчество азербайджанцев привело к развитию капитализма и созданию отдельного государства [11], то в Туркестане джадидизм проявился гораздо позже и в конечном итоге по ряду причин произошло утверждение курса развития, нацеленного на социализм.

Есть и иное акцентирование в процессе выявления содержания джадидизма. Например, С. Дюдуаньон видит главное отличие джадидистов от кадимистов в том, как мыслится развитие культуры мусульманского общества, кто занимается этим процессом: частные лица или муфтий и его администрация [45, с. 5].

Понимая, что основной частью татарской культуры является традиционное исламское понимание мира, казанские историки решили «реабилитировать» кадимизм после преувеличенного внимания только к джадидизму. С этим можно увязать появление научных работ о значимости консервативных тенденций в мусульманских практиках. Например, Д.С. Мухаметзянова подчеркивает, что «в отношении кадимистской системы образования существует ряд исторических и идеологических клише, которые прежде не были подвергнуты критике и анализу» [27, с. 5–6]. К ним автор относит рассмотрение кадимистской системы как неизменной, излишне простой, недооценку роли суфийских тарикатов, оценку имамов как однозначных реакционеров. Кроме того, Д.С. Мухаметзянова усматривает в трудах предшественников отход от принципа системности и историзма. Время от времени споры о том, сколь велики различия между кадимистами и джадидистами и существуют ли они, переходили со страниц академических трудов в публицистику.

Понимание джадидизма усложняется региональными реалиями, выражающими соприкосновение ишанизма и джадидизма. Например, Ю.Н. Гусева справедливо отмечает, что на мировоззрение ишанов Среднего Поволжья влияло то, как выглядел ислам в конкретном социокультурном пространстве: «Ишан мог оставаться ортодоксом или стремиться к обновленчеству, естественно, в рамках предписанного Кораном и Сунной» [12, с. 157–158].

Ещё один сюжет по обновленчеству мусульманского сообщества России, находящийся в последнее время в поле зрения историков, – положение и роль женщины в умме и отдельных махалля. Например, движение мусульманок за свои права в организационном, идейно-теоретическом и культурно-просветительском аспектах исследовал С.Ф. Фаизов, придя к выводу, что еще до 1917 года существовала «глубокая имманентность идей гендерного равновесия в мусульманской среде (на казанских землях. – О.С.)». Осень 1917 года показала наличие не менее дюжины лидеров-мусульманок, заметных в российской среде [34, с. 64].

К проблеме становления женского движения у татар обращалась А.Х. Махмутова, отметившая, что героини её книги «были кудесниками богатырской эпохи – в течение буквально двух-трех десятилетий они сумели преобразовать татарское общество, застывшее в Средневековье, в общество энергичное, подвижное, живущее полнокровной интеллектуальной жизнью» [24, с. 251]. Даже одно только это высказывание из книги А.Х. Махмутовой показывает, что симпатии автора на стороне прогресса и модернизации мусульманской жизни.

Феномен абыстай привлек внимание историка Р. Гариповой, которая начала его изучение в рамках всего мусульманского мира [46].

Интересен подход к оценке джадидизма с опорой на специфику региональности. В качестве примера приведем работу о кадимизме и джадидизме XX века в Дагестане [52]. В статье анализируются методы обучения арабскому языку и исламскому вероучению. Новизна этой работы в том, что она включает

Дагестан в дискуссию академического сообщества о джадидизме, рассматривает дихотомию кадимизм-джадидизм применительно к Северному Кавказу.

Заключение

Историография рассматриваемой проблематики в XX–XXI веках пережила в своем развитии, по нашему мнению, четыре основных этапа. Первый этап (1917–1929) предполагал соотнесение джадидизма и в целом ислама с марксизмом и допускал некоторые дискуссии об исламе в рамках советской идеологии. Вторым периодом (1930 – середина 1950-х гг.) определял джадидизм как идеологического противника новой власти. На третьем этапе (вторая половина 1950-х – 1991 г.) так называемые советологи рассматривали джадидизм с позиции прежде всего развития национального самосознания жителей окраин в противовес колониальной политике российского центра. В среде «инородцев», «туземцев», «чужих» росло недовольство имперской политикой российской элиты. В это же время в СССР господствовала трактовка джадидизма как особого этапа в развитии татарского просветительства, данная Г. Ибрагимовым [11]. На эту точку зрения впоследствии опирались казанские историки, занимавшиеся обновленчеством в мусульманской среде. Исламский контекст был заменен в отечественной мысли исследованием татарского просветительства.

На четвертом этапе (1991 г. – наши дни) появилась возможность развернуть исследования об исламе и «своих» мусульманах, читатель мог ознакомиться с более глубокой интерпретацией историками идей джадидов. Возникла «переключка мнений» о российских мусульманах периода империи между западными историками и историками России, всё активнее стали включаться в историографию труды ученых из стран ближнего зарубежья [32]. Ученая мысль продолжала обращать внимание на рассматриваемую проблематику, считая, что тема джадидизма должна получить дальнейшее развитие.

Литература

1. [Абдирашидов З. И. Гаспринский и становление газеты «Терджиман» // Гасырлар авазы / Эхо веков. – 2015. – № 3/4. – С. 211–219.](#)
2. [Абдуллин Я.Г. Джадидизм, его социальная природа и эволюция. – Казань, 1979.](#)
3. [Абдуллин Я.Г. Джадидизм: возникновение, развитие, историческое место. – Казань: Иман, 1998.](#)
4. [Алмазова Л.И. Абдуллин Яхья Габдуллович // \[http://nailtimler.com/people_page/people_01a/abdullin_yahya_gabdullovlch.html\]\(http://nailtimler.com/people_page/people_01a/abdullin_yahya_gabdullovlch.html\).](#)
5. [Ахунов А. Новый интерес к старым спорам // Восточный экспресс. – 2002. – 2–8 августа. – № 32 \(091\).](#)
6. [Бобровников В.О., Конев А.Ю. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи // Ориентализм vs Ориенталистика: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. – М.: ООО «Садра», 2016. – 440 с. – \[Islamica & Orientalistica\]. С. 167–206.](#)
7. [Бобровников В. Историк джихада Хаджи-Али Чохский: опыт критической биографии // Ученые записки Института истории культуры. – М., 2010. – Вып. 1. – С. 71–93.](#)
8. [Бустанов А.К., Кемпер М. Ислам по-русски. Анализ современной исламской литературы: учебное пособие. – СПб.: Президентская библиотека, 2016. – 134 с.](#)

9. *Бустанов А., Дородных Д.* Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 3 (35). – С. 112–133.
10. *Ганкевич В. Ю.* На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914 гг.). – Симферополь: Доля, 2000. – 327 с.
11. *Гасанлы Дж. П.* Али Мардан-бек Топчибашев: Жизнь за идею / пер. с азерб. Рзаева Х.; под ред. Х. Пашаева. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 608 с.
12. *Гусева Ю.Н.* Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение / под ред. О.Н. Сенюткиной. – М.: Медина, 2013. – 218 с.
13. *Джадидизм // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь.* – Казань: Магариф, 2004. – 383 с.
14. *Джераси Р.* Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с.
15. *Дюдуаньон Стефан А.* Революции в Иране (1906) и в Турции (1908) в мусульманской печати Российской империи (1908) // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.) / сост. и отв. ред.: С.А. Дюдуаньон, К. Ле Торривеллек, О.Н. Сенюткина. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. – С. 251–300.
16. *Зарипов И.А.* Татарские джадиды о соотношении религиозных и светских начал // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, кн. 4. Мусульманское право. – С. 181–188.
17. *Ибрагимов Г.* Татары в революции 1905 года / пер. с татар. Мухамедовой Г.; под ред. Г.Ф. Линсцера. – Казань: Гос. изд-во ТАССР, 1926. – 259 с.
18. *Ислам в татарском мире: история и современность.* – Казань, 1997. – 101 с.
19. *Ислам и государство в России // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Оренбургского магометанского духовного собрания.* Уфа, 22 октября 2013 года / под общ. ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа: ГУП РБ, Уфимский полиграфкомбинат, 2013. – 288 с.
20. *История религий в России / под общ. ред. Н.А. Трофимчука.* – М.: РАГС, 2001. – 591 с.
21. *Исхаков Д.М.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997. – 80 с.
22. *Ланда Р.Г.* Дилемма: традиционалисты-джадиды // Ислам в истории России. – М.: Восточная литература, РАН, 1995. – 312 с. – С. 141–171.
23. *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). – Казань: Фэн АН РТ, 2005. – 255 с.
24. *Махмутова А.Х.* Пора и нам зажечь зарю свободы! (Джадидизм и женское движение). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. – 254 с.
25. *Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880–1905 гг.: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; под ред. И.К. Загидуллина.* – Казань: Яз, 2014. – 532 с.
26. *Муртазин М.Ф.* Мусульмане в России // Ислам и мусульмане в России. – М.: КДТ, 1999. – 224 с.
27. *Мухаметзянова Д.С.* Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. – 216 с.
28. *Мухаметишин Р.Р.* Татары и ислам в XX веке (ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). – Казань: Фэн, 2003. – 303 с.

29. «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX в.): сб. материалов / сост. И.К. Загидуллин. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – 132 с.
30. Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. – 1998. – № 5. – С. 147–158.
31. Сибгатуллина А. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. – М., 2010.
32. Татарстан. – 1995. – № 9/10.
33. Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань: ФЭН АН РТ, 2005. – 583 с.
34. Фаизов С.Ф. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. – 106 с.
35. Федотова А. Женская благотворительность в Казанской губернии в 1906–1907 гг. // Гасырлар авазы / Эхо веков. – 2015. – № 3/4. – С. 36–41.
36. Юзеев А. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX в. – Кн. 1. – Казань, 1998. – 137 с.
37. Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний) / РАН. Уфимский научный центр. – Уфа: Гилем, 2002. – 300 с.
38. Ascher A. *The Revolution of 1905: Russia in Disarray*. – Stanford, 1988.
39. Bazarbayev K., Ashimkhanova A.Z. *Jadids Movement in Central Asia in the Late 19th and the Early 20th Centuries* // *Asian Social Science*. – 2012. – Vol. 8, № 8; July. – P. 225–237.
40. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejey Ch. *Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalivismeau» Tatarstan*. – Paris, 1960.
41. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejey C. *Islam in the Soviet Union*. N.-Y: Praeger, 1967. – P. 31–48.
42. Campbell E. I. *The Muslim Question and Russian Imperial Governance*. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2015. – 299 p.
43. Conolly V. *The «Nationalities Question» in the Last Phase of Tsarism* // *Russia Enters the Twentieth Century* / Ed. by G. Katkov. – London, 1971.
44. *Defining the Orient: A Nineteenth-Century Russo-Tatar Polemic over Identity and Cultural Representation* // *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia* / Ed. by Andreas Kappeler, et al. – Durham: Duke University Press, 1994. – P. 33–45.
45. Eden J., Sartori P., De Weese D. *Moving Beyond Modernism: Rethinking Cultural Change in Muslim Eurasia (19th–20th Centuries)* // *JESHO*. – 2016. – № 59. – P. 1–36.
46. Garipova R. *Muslim Female Religious Authority in Russia: How Mukhlisa Bubi Became the First Female Qāḍī in the Modern Muslim World* // *Die Welt des Islams*. – 2017. – V. 57. – S. 135–161.
47. Kemper M. *The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933* // *Die Welt des Islams*. – 2009. – № 49/1. – P. 1–48.
48. Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. – London: Cornell University Press, 2015.
49. Khalid A. *The Politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. – Berkeley Los Angeles, Lnd: University of California Press, 1998. – 335 p.
50. Lazzarini E.J. *Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia. 1878–1914*. Ph/D. Dissertation. – Seattle: University of Washington, 1973.

51. Lazzarini E.J. Ismail Bey Gasprinskii, the Discourse of Modernism, and the Russians // *Tatars of the Crimea: Their Struggle for Survival* / Ed. Edward Allworth. – Durham: Duke University Press, 1988. – P. 149–169.
52. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan // *Asiatische Studien – Etudes Asiatiques*. Vol. 69. Issue 3. – Zurich, 2015. – P. 593–624.
53. Rorlich A.A. *The Volga Tatars: A Profile in National Resilience*. – Stanford, 1986.
54. Zenkovsky S.A. *Pan-Turkism and Islam in Russia*. – Cambridge, MA, 1960.

References

1. Abdirashidov Z. I. Gasprinskij i stanovlenie gazety «Terdzhiman» [Gasprinski and the establishment of the newspaper "Terjiman"] *Gasyrlar avazy / Jeho vekov. Nauchno-dokumental'nyj zhurnal* [Echo of centuries. Scientific and documentary journal] 2015, № 3/4. S. 211–219. (in Russian)
2. Abdullin Ja.G. *Dzhadidizm, ego social'naja priroda i jevoljucija*. [Jadidism, its social nature and evolution] Kazan', 1979. (in Russian)
3. Abdullin Ja.G. *Dzhadidizm: vznikovenie, razvitie, istoricheskoe mesto*. [Jadidism: the emergence, development and historical place] Kazan': Iman, 1998. (in Russian)
4. Almazova L.I. *Abdullin Jah'ja Gabdullovich* [Abdullin Yahya G.] URL: http://nailtimler.com/people_page/people_01a/abdullin_yahya_gabdulloovich.html (in Russian)
5. Ahunov A. Novyj interes k starym sporam [New interest in old disputes] *Vostochnyj jekspress* [East express] 2002. August 2–8, № 32 (091). (in Russian)
6. Bobrovnikov V.O., Konev A.Ju. Svoi «chuzhie»: inorodcy i tuzemcy v Rossijskoj imperii [Their "Others": foreigners and that the Zemstvo in the Russian Empire] *Orientalizm vs. Orientalistika: Sb. Statej* [Orientalism vs. Orientalistic: Sat. articles] ed. by V.O. Bobrovnikov, S.Dzh. Miri. – Moscow: Sadra, 2016. – 440 p. [Islamica & Orientalistica]. – S. 167–206. (in Russian)
7. Bobrovnikov V. Istorik dzhihadada Hadzhi-Ali Chohskij: opyt kriticheskoj biografii [The Historian of Jihad Haji Ali Finished: the experience of a critical biography] *Uchenye zapiski Instituta istorii kul'tur*. [Scientific notes of the Institute of history of cultures.] Issue. I. – Moscow, 2010. – S. 71–93. (in Russian)
8. Bustanov A.K., Kemper M. *Islam po-russki. Analiz sovremennoj islamskoj literatury: uchebnoe posobie*. [Islam in Russian. Analysis of modern Islamic literature: textbook] Saint-Petersburg. Prezidentskaja biblioteka, 2016. – 134 s. (in Russian)
9. Bustanov A., Dorodnyh D. Dzhadidizm kak paradigma v izuchenii islama v Rossijskoj imperii [Jadidism as a paradigm in the study of the research Institute of Islam in the Russian Empire] *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Worldwide] 2017, № 3 (35). – S. 112–133. (in Russian)
10. Gankevich V.Ju. *Na sluzhbe pravde i prosveshheniju: kratkij biograficheskij ocherk Ismaila Gasprinskogo (1851–1914 gg.)* [In the service of truth and enlightenment: a brief biographical sketch of Ismail Gasprinsky (1851–1914)]. Simferopol'. Dolja, 2000. – 327 s. (in Russian)
11. Gasanly Dzh. P. *Ali Mardan-bek Topchibashev: Zhizn' za ideju* [Ali Mardan-Bek topchibashev: Life for idea] translit in azerb. H. Rzaeva / ed. by H. Pashaeva. Moscow. FLINTA, Nauka, 2014. – 608 s. (in Russian)
12. Guseva Ju.N. *Ishanizm kak sufijskaja tradicija Srednej Volgi v XX veke: formy, smysly, znachenie* [Ishanism as a Sufi tradition of the Middle Volga in the twentieth century: forms, meanings, significance] Ed. by O.N. Senjutkinov. Moscow. ID «Medina», 2013. – 218 s. (in Russian)

13. Dzhadidizm [Jadidism] *Islam na evropejskom Vostoke: Jenciklopedicheskij slovar'*. [Islam in the European East: Encyclopaedia dictionary] Kazan'. Magarif, 2004. – 383 s. (in Russian)
14. Dzherasi R. *Okno na Vostok: imperija, orientalizm, nacija i religija v Rossii*. [Window on the East: Empire, Orientalism, nation and religion in Russia] Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 548 s. (in Russian)
15. Djudian'on Stefan A. Revoljucii v Irane (1906) i v Turcii (1908) v musul'manskoj pechati Rossijskoj imperii (1908) [Revolutions in Iran (1906) and in Turkey (1908) in the Muslim press of the Russian Empire (1908)] *Ispovedi v zerkale: Mezhhkonfessional'nye otnoshenija v centre Evrazii (na primere Volgo-Ural'skogo regiona – XVIII–XXI vv.)* [Confessions in the mirror: Interfaith relations in the center of Eurasia (on the example of the Volga-Ural region – XVIII-XXI centuries.)] Originator and ed. by Stefan A. Djudian'on, Ksav'e Le Torrivellek, Ol'ga N. Senjutkina. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NGLU, 2012. – S. 251–300. (in Russian)
16. Zaripov I.A. Tatarskie dzhadidy o sootnoshenii religioznyh i svetskih nachal [Tatar jadids of the relationship between religious and society] *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. – Gumanitarnye nauki*. [Scientific notes of Kazan University.] 2014. – Vol. 156, iss. 4. Musul'manskoe pravo. – S. 181–188. (in Russian)
17. Ibragimov G. *Tatary v revoljucii 1905 goda*. [Tatars in the revolution of 1905] translit in tat. G. Muhamedovoj. Ed. by G.F. Linscera. Kazan'. Gos. izd. TASSR, 1926. – 259 s. (in Russian)
18. *Islam v tatarskom mire: istorija i sovremennost'* [Islam in the Tatar world: History and Modernity] Kazan', 1997. – 101 s. (in Russian)
19. *Islam i gosudarstvo v Rossii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 225-letiju Orenburgskogo magometanskogo duhovnogo sobranija. Ufa, 22 oktjabrja 2013 goda* [Islam and the state in Russia. Materials of the International scientific-practical conference devoted to the 225th anniversary of the Orenburg Mohammedan spiritual Assembly. Ufa, October 22, 2013] Ed. by A.B. Junusovoj. Ufa: GUP RB, Ufimskij poligrafkombinat, 2013. – 288 s. (in Russian)
20. *Istorija religij v Rossii* [The history of religions in Russia] Ed. by N.A. Trofimchuka. Moscow. Izd-vo RAGS, 2001. 591 s. (in Russian)
21. Ishakov D.M. *Fenomen tatarskogo dzhadidizma: vvedenie k sociokul'turnomu osmysleniju*. [The Phenomenon of Tatar jadidism: introduction to socio-cultural understanding] Kazan', 1997. – 80 S. (in Russian)
22. Landa R.G. Dilemma: tradicionalisty-dzhadidy [Dilemma: traditionalists-jadids] / In: *Islam v istorii Rossii*. [Islam in the history of Russia] Moscow. Vostochnaja literatura, RAN, 1995. 312 p. – S. 141–171. (in Russian)
23. Mardzhani Sh. *Iz vlechenie vestej o sostojanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-ahbar fi ahvali Kazan va Bulgar)*. [The Retrieval of news on the status of Kazan and Bul-Gara (Mustafa al-Akhbar Fi ahvali Kazan VA Bulgar).] Kazan'. Fjen AN RT, 2005. – 255 s. (in Russian)
24. Mahmutova A.H. *Pora i nam zazhech' zarju svobody! (Dzhadidizm i zhenskoe dvizhenie)*. [It's time for us to light the dawn of freedom! (Jad-idism and women's movement)] Kazan'. Tatar. kn. izd-vo, 2006. – 254 s. (in Russian)
25. *Modernizacionnyye processy v tatarsko-musul'manskom soobshhestve v 1880-e–1905 gg.: dokumenty i materialy* [Modernization processes in the Tatar-Muslim society in the 1880s-1905: documents and materials] Compiler: I.K. Zagidullin, N.S. Hamitbaeva, L.F. Bajbulatova, H.Z. Bagautdinova; Ed. by I.K. Zagidullina. Kazan'. Jaz, 2014. – 532 s. (in Russian)

26. Murtazin M.F. *Musul'mane v Rossii* [Muslims in Russia] / In: *Islam i musul'mane v Rossii* [Islam and Muslims in Russia] Moscow. KDT, 1999. 224 s. (in Russian)
27. Muhametdzjanova D.S. *Kadimistskaja sistema obrazovanija v istoricheskom i pedagogicheskom kontekstah*. [Kazimirsky the education system in historical and pedagogical contexts.] Kazan'. In-t istorii AN RT, 2008. – 216 s. (in Russian)
28. Muhametshin R.R. *Tatary i islam v XX veke (Islam v obshhestvennoj i politicheskoj zhizni tatar i Tatarstana)*. [Tatars and Islam in the twentieth century (Islam in public and political life of the Tatars and Tatarstan)] Kazan'. Fjen, 2003. – 303 s. (in Russian)
29. «Nacional'nyj vopros» v Rossii v zerkale obshheimperskogo zakonodatel'stva (XIX – nachalo XX v.) [The "national question" in Russia in the mirror of the Empire's law (XIX – beginning of XX century)]: Collection of materials. Ed. by I.K. Zagidullin. Kazan'. In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2009. – 132 s. (in Russian)
30. Noak K. Nekotorye osobennosti social'noj struktury povolzhskih tatar v jepohu formirovanija nacij (konec XIX – nachalo XX vv.) [Some features of the social structure of the Volga Tatars in the era of the formation of Nations (late XIX – early XX centuries.)]. *Otechestvennaja istorija*. [Russian History] 1998, № 5. – S. 147–158. (in Russian)
31. Sibgatullina A. *Kontakty tjurok-musul'man Rossijskoj i Osmanskoj imperij na rubezhe XIX–XX vv.* [The Contacts of the Turks-Muslims of the Russian and Ottoman empires at the turn of XIX–XX centuries] – Moscow, 2010. (in Russian)
32. *Tatarstan*. [Tatarstan] 1995, № 9/10. (in Russian)
33. Usmanova D.M. *Musul'manskije predstaviteli v rossijskom parlamente. 1906–1916*. [Muslim representatives in the Russian Parliament. 1906–1916] Kazan'. FJen AN RT, 2005. – 583 s. (in Russian)
34. Faizov S.F. *Dvizhenie musul'manok Rossii za prava zhenshhin v 1917 g.: stranicy istorii*. [Movement of Muslim women of Russia for the rights of women in 1917: pages of History] Nizhnij Novgorod: NIM «Mahinur», 2005. – 106 s. (in Russian)
35. Fedotova A. *Zhenskaja blagotvoritel'nost' v Kazanskoj gubernii v 1906–1907 gg.* [Female charity in Kazan GU-Bernie in 1906-1907] *Gasyrlar avazy / Jeho vekov. Nauchno-dokumental'nyj zhurnal* [Echo of centuries. Scientific and documentary journal] 2015, № 3/4. – S. 36–41. (in Russian)
36. Juzeev A. *Tatarskaja filosofskaja mysl' konca XVIII–XIX vv.* [Tatar philosophical thought of the late XVIII–XIX centuries] Iss. 1. – Kazan, 1998. – 137 s. (in Russian)
37. Jamaeva L.A. *Musul'manskij liberalizm nachala XX v. kak obshhestvenno-politicheskoe dvizhenie (po materialam Ufimskoj i Orenburgskoj gubernij)* [Muslim liberalism of the early XX century as a socio-political movement (according to the materials of Ufimtation and Orenburg provinces)] / Ufa scientific center. Ufa: Gilem, 2002. – 300 s. (in Russian)
38. Ascher A. *The Revolution of 1905: Russia in Disarray*. – Stanford, 1988.
39. Bazarbayev K., Ashimkhanova A.Z. *Jadids Movement in Central Asia in the Late 19th and the Early 20th Centuries*. *Asian Social Science*. 2012. – Vol. 8, № 8; July. – P. 225–237.
40. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. *Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalivismeau» Tatarstan*. – Paris, 1960.
41. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. *Islam in the Soviet Union*. N. Y.: Praeger, 1967. – P. 31–48.
42. Campbell E.I. *The Muslim Question and Russian Imperial Governance*. Indiana University Press. Bloomington and Indianapolis. – 2015.
43. Conolly V. *The «Nationalities Question» in the Last Phase of Tsarism. Russia Enters the Twentieth Century* / Ed. by G. Katkov. – London, 1971.

44. Defining the Orient: A Nineteenth-Century Russo-Tatar Polemic over Identity and Cultural Representation. *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*. Ed. by Andreas Kappeler, et al. (Durham: Duke University Press, 1994). – P. 33–45.
45. Eden J., Sartori P., De Weese D. Moving Beyond Modernism: Re-thinking Cultural Change in Muslim Eurasia (19th–20th Centuries). *JESHO*. – 2016. – № 59. – P. 1–36.
46. Garipova R. Muslim Female Religious Authority in Russia: How Mukhlisa Bubi Became the First Female Qāḍī in the Modern Muslim World. *Die Welt des Islams*. 2017. V. 57. P. 135-161.
47. Kemper M. The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933. *Die Welt des Islams*. – 2009 – № 49/1. – P. 1–48.
48. Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSA*. London: Cornell University Press, 2015.
49. Khalid A. *The Politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley Los Angeles, Lnd: University of California Press, 1998. – 335 p.
50. Lazzerini E.J. *Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia. 1878–1914*. Ph. D. Dissertation. Seattle: University of Washington, 1973.
51. Lazzerini E.J. Ismail Bey Gasprinskii, the Discourse of Modernism, and the Russians. *Tatars of the Crimea: Their Struggle for Survival*. Ed. Edward Allworth (Durham: Duke University Press, 1988. – P. 149–169.
52. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan. *Asiatische Studien – Etudes Asiatiques*. – 2015. – Vol. 69. Iss. 3. Zurich. – P. 593–624.
53. Rorlich A.A. *The Volga Tatars: A Profile in National Resilience*. Stanford, 1986.
54. Zenkovsky S.A. *Pan-Turkism and Islam in Russia*. – Cambridge, MA, 1960.